

КОРОЛЬ, ПАПА И ИМПЕРАТОР: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В «СЕМИ ПАРТИДАХ» И ГЛОССЕ ГРЕГОРИО ЛОПЕСА

А. В. МАРЕЙ

НИУ Высшая школа экономики, Москва

fjodalgo@gmail.com

ALEXANDER MAREY

The National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia

THE KING, THE POPE AND THE EMPEROR: THE PROBLEM OF LEGITIMATION OF THE SECULAR
POWER IN THE “SIETE PARTIDAS” AND THE GLOSS COMPOSED BY GREGORIO LOPEZ

ABSTRACT. This article refers to conception of legitimacy of politic power in medieval Castile and later, in early modern Spanish Empire, reflected in the “Siete Partidas” of Alphonse the Sage, king of Castile and Leon (1252–1284) and in its gloss composed by Gr. Lopez – court lawyer and counsellor of the king Carlos I (the emperor Charles V in the case of Holy Roman Empire). Jurists of the 13th century construing the well-known legal maxim “Rex est imperator in regno suo” (Decretals “Per venerabilem”, 1205, by Pope Innocent III) insisted on the supremacy of royal power not only in relation to imperial but also to papal power. Thereby a king, according to jurists of Alphonse the Wise, was represented as supreme sovereign of his kingdom either in secular and spiritual affairs. In the 16th century the court lawyer of a Spanish emperor, Gregorio Lopez, emphasized the supremacy of imperial power in the secular affairs and papal – in the spiritual. Yet he marked the possibility for the emperor to be deposed by the Roman people, who gave him his power and, by means of the renovated social contract, could recall it.

KEYWORDS: Alphonse X the Wise; Siete Partidas; legitimacy of power; medieval law; Spanish medieval law; imperial power; Emperor of Holy Roman Empire; post-glossators; Charles V, emperor.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект №13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого», а также при поддержке гранта НИУ ВШЭ «Софинансирование грантов РФФИ и РГНФ» № 13-09-0110.

Предварительные замечания

Проблема легитимности¹ политической власти и прямо вытекающий из нее вопрос о необходимости повиновения ей или о возможности восстания против нее традиционно занимают одно из центральных мест в политико-философских и правовых теориях, начиная с Античности.² Однако основной вклад в разработку этого комплекса вопросов был внесен представителями средневековой схоластической мысли, прежде всего, относящимися к так называемой Высокой схоластике (XIII–XIV вв.). Именно в этот период были сформированы два основных подхода к осмыслению этой проблемы: богословский и юридический. Изначально различие между ними обосновывалось только разными исходными текстами, служившими базой для комментария и экзегезы – если для богословов таковыми служило Священное Писание и творения отцов и учителей Церкви, для юристов это был Свод гражданского права императора Юстиниана. Однако с течением времени опора на тексты, кардинально отличавшиеся друг от друга, привела к формированию двух различных моделей аргументации и, можно даже сказать, двух разных идеологических конструкций.³

Расхождение между богословами и юристами, становившееся все более непреодолимым, обуславливалось, помимо указанных факторов, и сугубо политическими причинами. Прежде всего, речь идет о борьбе римских Пап и императоров Священной Римской империи за политическое верховенство в Европе, а затем и о становлении протонациональных королевств, властители которых все более отчетливо претендовали на проведение собственной политики, независимой и от императорского, и от папского престолов. Одним из наиболее ярких примеров подобных монархий в XIII веке следует признать королевство Кастилии и Леона, во главе которого в тот период стояли короли

¹ Необходимо сразу оговориться, что понятие «легитимности» применительно к власти начинает обсуждаться относительно поздно – только в текстах раннего Нового времени, – и не используется в источниках данной статьи.

² В известной степени, осмысление этой проблемы можно проследить, как минимум, начиная с сочинений Платона и Аристотеля (т. н. «правильные» и «неправильные» формы правления). Однако всерьез о проблеме легитимации власти становится возможным говорить лишь с появлением и развитием христианской богословско-политической мысли, в рамках которой было разработано само понятие *власти* как некоей сущности, отделенной от ее носителя (см. Послание к Римлянам и комментарии на него, составленные св. отцами Церкви, такими, как Иоанн Златоуст, Евсевий Иероним и т. д.). Именно с этого периода, т. е., примерно с IV–V вв. н. э. начинают разрабатываться две основные модели легитимации власти: через понятие «общего блага» (*bonum commune*) или «общей выгоды» (*utilitas communis*), с одной стороны, и через представления о Божественной сущности власти, с другой. Спустя несколько веков, в богословских, правовых и политико-философских текстах, относящихся к схоластической традиции, эти основания объединяются.

³ См. об этом подробнее: Rüegg & Ridder-Simoens 1991.

Фернандо III Святой (1214/1230–1252) и его сын Альфонсо X Мудрый (1252–1284).⁴

Историко-культурный контекст

В данный период королевство Кастилии и Леона переживало резкий политический, экономический и культурный подъем, вызванный, прежде всего, резким усилением военной активности, известным в литературе как «великая» или «быстрая Реконкиста». Меньше, чем за 40 лет войска Фернандо III и Альфонсо X покорили огромные земли к югу и востоку от Толедо, присоединив к территориям королевства Касерес (1227), Мериду и Бадахос (1230), Кордову (1236), Валенсию (1238), Хаен (1246), Севилью (1248), Ньеблу (1262) и Херес (1264).⁵ Подобные успехи на военном поприще и сопутствовавший им политический взлет Кастильского королевства подразумевали соответствующее идеологическое закрепление. Уже при Фернандо III архиепископом Толедским и примасом Испании Родриго Хименесом де Рада была составлена хроника, известная как «Готская история» (*De rebus Hispaniae*), в которой Кастильское королевство представлялось законным правопреемником Толедского королевства вестготов. Так же именно при этом короле и по его непосредственной инициативе создаются первые юридические тексты на старокастильском языке: с латыни переводятся «Фуэро Куэнки» и «Вестготская правда», идет подготовка к созданию общенационального свода права на старокастильском языке (Фернандо III не успел закончить этот проект, и он был осуществлен его сыном, Альфонсо X, – речь о «Семи Партидах».⁶

В правление Альфонсо X – сына Фернандо III от Беатрисы Швабской – курс на идеологическое оформление и закрепление монархии был продолжен. Основной упор при этом делался на разработку нового права для королевства, что, во многом, объяснялось воспитанием, полученным Альфонсо X в детстве и юности. Дело в том, что Фернандо III, первым из предшествовавших властителей, позаботился о том, чтобы его сын и наследник – будущий король Альфонсо X Мудрый, – получил прекрасное образование в сфере юриспруденции, а точнее, в сфере «общего права» (*ius commune*) (González Jiménez 2004, 13–42). Представлялось немыслимым отправлять инфанта на много лет обучаться за рубежом, а потому к нему были приглашены профессора, из которых по меньшей мере один – магистр Хакобо де лас Лейес, – оставил заметный след в кастильской правовой культуре (Ureña y Smenjaud & Bonilla y San Martín 1924).

⁴ О Фернандо III и Альфонсо X см. прекрасные биографические работы, написанные профессорами Х. Гонсалесом и М. Гонсалесом-Хименесом: González 1983; González Jiménez 2004.

⁵ О «великой Реконкисте» см. подробнее: González Jiménez 2004.

⁶ Part.prooem.: ...El muy noble e bienaventurado rey D. Fernando nuestro padre, que era cumplido de justicia e de derecho, que lo quisiera fazer si mas biuiera; e mando a Nos que lo fiziessemos.

Законодательная деятельность воспринималась Альфонсо X как инструмент достижения общего блага королевства. Это представление казалось вполне естественным, поскольку кастильские легисты, обучавшиеся в школах Болоньи и Монпелье, восприняли свойственное римским юристам понимание права как учения о добром и справедливом.⁷ Учение, достаточно утопичное применительно к реалиям XIII в., тем не менее, оказало огромное влияние на политическую практику Альфонсо X. Его законодательная деятельность была крайне активной именно потому, что он рассматривал ее как средство кардинальной перестройки всей системы политических и социальных отношений на принципах высшего блага. Он последовательно двигался в направлении унификации законодательства, причем правовая мысль намного обогнала здесь правовую практику. В первый же год своего правления Альфонсо X отдал приказ составить единый свод права для всех городов своего королевства, и уже через год, в 1256 году на основе местных грамот, привилегий и поселенных хартий было создано так называемое «Королевское фуэро Кастилии». В течение ближайших шести лет после этого «Королевское фуэро» распространилось практически по всему королевству, где-то дополняя, а в большинстве случаев заменяя собой местные фуэро и поселенные хартии (O'Callaghan 1985). Параллельно с «Королевским фуэро», юристы Альфонсо X работали и над другим памятником права, получившим название «Зерцала», которое, по мнению исследователей, должно было стать текстом придворного права, предназначенным для разрешения тяжб, возникающих при дворе короля (García y García 1985; Iglesia Ferreirós 1977 и 1996; Kleffens 1968; Sánchez-Arcilla Bernal 2004). Основным его отличием от «Королевского фуэро» было то, что при работе над «Зерцалом» более активно использовались римско-правовые источники, в ущерб текстам местного обычного права. Однако работа над этим текстом, по всей видимости, не была закончена,⁸ поскольку от короля поступил приказ прекратить ее и приступить к выработке нового свода законов под рабочим названием «Книга законов», впоследствии переименованного в «Семь Партид».⁹ Причины подобной перемены решения Альфонсо X длительное время являлись предметом оживленной дискуссии между ведущими исследователями истории испанского права, вошедшей в качестве составной части в другую дискуссию, основным предметом которой стала проблема датировки «Семи

⁷ D.1.1.1pr., Ulp. I Inst.: ... Ut eleganter Celsus definit, ius est ars boni et aequi.

⁸ От «Зерцала» до нас дошли 5 первых книг из семи планировавшихся. Тот факт, что все сохранившиеся рукописи содержат только этот фрагмент текста, дал основание многим исследователям говорить о том, что до нашего времени сохранились все *реально написанные* книги, а это, в свою очередь, значит, что работа была прервана по приказу Альфонсо X. См. например: Sánchez-Arcilla Bernal 2004, 246–249 и т. д.

⁹ Само название «Семь Партид», то есть, буквально, «семь частей» было принято уже после смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV (1284–1295).

Партид».¹⁰ Наибольшее распространение сейчас получила точка зрения, выраженная А. Иглесией Феррейросом и поддержанная несколькими другими исследователями, согласно которой решение Альфонсо X о создании «Семи Партид» следует связывать с его попытками (в итоге, все-таки, неудачными) баллотироваться на трон Священной Римской Империи.¹¹ Если принять эту точку зрения, то из нее последует неизбежный вывод о том, что в «Партидах» юристы Альфонсо X были вынуждены решать двойственную задачу: с одной стороны им было нужно отразить имперские претензии своего патрона, с другой же – создать серьезный идеологический базис для его власти как короля Кастилии.

«Семь Партид» были созданы в период с 1265 по 1272 год. Структурно текст «Партид», как следует из названия памятника, состоит из семи книг, собранных по тематическому принципу. Внутри книги разбиты на титулы, которые, в свою очередь, сгруппированы из законов. Структура закона как наименьшей составной части «Партид» сама по себе заслуживает отдельного исследования, и потому в данной статье я ограничусь лишь коротким замечанием, указывающим на то, что практически каждый такой закон, не подразделяясь, формально, на параграфы, все же состоит из ряда норм, собранных вместе. При этом источники каждой из норм, вошедших в один и тот же закон, могли быть вполне различными и варьироваться от фрагментов из «Свода гражданского права» Юстиниана или «Свода канонического права» до собственных законодательных новелл Альфонсо X.¹²

Содержательно «Партиды» охватывали все существовавшие на тот момент отрасли права и превосходили любой из современных им правовых сводов по широте охвата материала и глубине его теоретической и доктринальной проработки. В одном тексте юристами Альфонсо X были собраны нормы церковного и канонического (1-я Партида), процессуального (3-я Партида), семейного (4-я Партида), обязательственного (5-я Партида), наследственного (6-я Партида) и уголовного права (7-я Партида), а также своеобразное «зерцало королевской власти», вместе с установлениями, регламентирующими статус короля, его семьи, министерялов и официалов королевского двора, ординарных судей королевства (2-я Партида). Таким образом, по замыслу короля, «Партиды» были призваны заменить собой все остальные нормативные тексты королевства, как духовного, так и светского характера, объединить в себе

¹⁰ Обзор данной дискуссии см.: Марей 2008; Sánchez-Arcilla Bernal 1999.

¹¹ О т. н. *fecho del imperio* и его месте в политике Альфонсо Мудрого см. González Jiménez 2004.

¹² Проблема законотворческой техники составителей «Семи Партид» еще только ждет своего исследователя. Некоторые предварительные наблюдения по этому поводу могут быть найдены в двух статьях автора этих строк, тогда как более полное исследование техники работы юристов Альфонсо X будет опубликовано в рамках академического комментария к русскому изданию «Семи Партид»: Марей 2011; Marey 2006.

функции, игравшиеся на тот момент сводами гражданского и канонического права, а также другими, меньшими по объему текстами местной пиренейской правовой традиции.¹³ Практически, можно сказать, что Альфонсо X претендовал на создание нового имперского свода права, превосходящего все ранее созданные образцы, включая «Свод Юстиниана».

Получившийся в результате работы комиссии королевских легистов текст сильно опередил свое время: он не был востребован практически ни одним из сословий феодального кастильского общества, более того, – вызвал серьезные социальные возмущения, переросшие в войну королевства против своего короля. Альфонсо X был вынужден дерогировать «Партиды» и они лишились статуса источника права более чем на 50 лет, вплоть до 1348 года, когда правнуком Альфонсо Мудрого было издано «Уложение Алькалы». Именно в этом документе издавший его король Альфонсо XI закрепил за «Партидами» статус вспомогательного источника права.¹⁴ Однако настоящее признание пришло к «Партидам» лишь в начале Нового времени, когда Испания сначала объединилась в единое королевство, а затем, с 1520 года, получила статус империи.

В 1491 году вышло первое издание «Партид» с глоссой А. Диаса де Монтальво. Оно не получило достаточного распространения по той причине, что чуть более, чем через полвека после этого, в 1555 году, вышло следующее их издание, подготовленное королевским юристом Карла I, членом его Совета по делам Индий, Грегорио Лопесом. Глосса Лопеса многократно превосходила по своему объему и полноте охвата материала труд его предшественника. Каждый закон был снабжен кратким латинским пересказом, связан многократными отсылками с другими текстами действовавшего права Империи. Особое внимание, что естественно, Гр. Лопес уделил тем законам «Партид», которые имели прямое отношение к правовым реалиям Священной Римской империи. Среди них оказались и законы, регламентировавшие статус императорской и королевской власти. В том же, 1555 году глоссе Лопеса был присвоен статус закона прямого действия, и «Партиды», *de facto*, стали одним из основных правовых сводов Испанской империи.

Власть императора и власть короля: взгляд из XIII века

В законе, открывающем первый титул «Второй Партиды» содержится своеобразный панегирик императорской власти. По мнению его составителей, власть императора выше любой другой земной власти, ибо только ему (и еще, забегая

¹³ Подробнее о «Партидах» и их месте в законодательной деятельности Альфонсо X см. след. работы: Craddock 2011 и 2008; Iglesia Ferreirós 1982; Pérez Martin 1992.

¹⁴ Ord.XXVIII.1: ...Los pleytos e contiendas que se non pudieren librar por las leys deste Nuestro libro, e por los dichos fueros, mandamos que se libren por las leys contenidas en los libros de las siete Partidas, que el Rey Don Alfonso nuestro visabuelo mando ordenar, como quier que fasta aqui non se falla que sean publicadas por mandado del Rey nin fueron avidas por leys.

вперед, – королям) Богом был дан *империй*, то есть, право высшего повеления.¹⁵ Император не подчиняется в этом мире никому из иных владык, за исключением только Папы Римского, чья власть в духовных вопросах превосходит императорскую,¹⁶ а среди его функций выделяется, во-первых, создание новых законов, во-вторых, наказание преступников и, в-третьих, – защита христианской веры от ее врагов. Наконец, император одновременно может быть только один, поскольку власть по своей природе не терпит никаких союзников и не имеет в них нужды.¹⁷

Последующие три закона того же титула, с одной стороны, раскрывают подробнее основные полномочия императора, с другой же, – уже устанавливают некоторые ограничения этой, казалось бы, неограниченной власти. Император имеет право создавать новые законы и фуэро, изменять старые, устанавливать и отменять обычаи, в случае, если сочтет, что те более не служат к общей пользе его подданных.¹⁸ Помимо этого ему принадлежит исключительное право вершить суд на всех подвластных ему территориях, откуда проистекает и его возможность назначать судей и иных представителей местной администрации на землях Империи.¹⁹ Наконец, только ему и тем лицам, которым он делегирует эти полномочия, дозволено чеканить монету, собирать подати и налоги, устанавливать новые подати, объявлять войну и заключать мир.²⁰

¹⁵ Part.II.1.1: Imperio es gran dignidad, noble e honrrada sobre todas las otras que los omes pueden auer en este mundo temporalmente. Ca el señor a quien Dios tal honrra da es Rey e Emperador, e a el pertenesce, segund derecho, el otorgamiento que le fizieron las gentes antiguamente de gouernar e mantener el imperio en justia.

¹⁶ Part.II.1.1: ...Al su mandamiento deuen obedescer todos los del imperio, e el non es tenuto de obedescer a ninguno, fueras ende a Papa en las cosas espirituales...

¹⁷ Part.II.1.1: Conuino que un ome fuesse emperador e ouiesse este poderio en la tierra, por muchas razones. La una, <...> porque segund natura, el señorio non quiere compañero nin lo ha menester...

Здесь содержится скрытая цитата из «Мировой хроники» Луки, епископа Туйского (ум. 1249), который, в свою очередь, дает аллюзию на знаменитый момент из «Фарсалии» Лукана. Cfr. Lucan, Pharsalia, I.92-93: *nulla fides regni sociis, omnisque potestas in patiens consortis erit.* (= Tud.Chr.VI.4)

¹⁸ P.II.1.2: El puede fazer ley e fuero nueuo, e mudar el antiguo, si entendiere que es pro comunal de su gente, e otrosi quando fuese escuro, ha poder de lo esclarecer. E puede otrosi toller la costumbre usada, quando entendiere que era dañosa, e fazer nueva, que fuesse nueua...

По поводу теории обыкновения, обычая и фуэро, разработанной в «Семи Партидах», см. след. работы: Марей 2014; Miceli 2012; Panateri 2013 и цит. там библиографию.

¹⁹ P.II.1.2: E aun ha poder de fazer justicia e escarmiento en todas las tierras del Imperio, quando los omes fiziessen porque Ñ e otro ninguno non lo puede fazer, si non aquellos a quien lo el mandasse o a quien fuesse otorgado por priuilejo de los emperadores. <...> E aun ha poderio de poner adelantados e juezes en las tierras que juzguen en su lugar segund fuero e derecho.

²⁰ P.II.1.2: ...Otro si ha poderio de poner portadgos e otorgar ferias nueuamente, en los logares que entendiere que lo deue fazer, e nono otro ome ninguno. E por su mandado e por su

При этом император не может по своему желанию лишать подданных их имущества, поскольку он, будучи сеньором всей империи, все же не является сеньором каждого конкретного имения в ней.²¹ Основная причина этого, по сути, фундаментального ограничения императорской власти видится юристам Альфонсо X в том, что император представляет собой лицо выборное, и источник его власти лежит не в наследственном владении, как у власти короля, но в совокупной воле всех или большинства его электоров.²² Еще одной важной характеристикой образа императора в «Партидах» является то, что он этот властитель всегда должен быть окружен верными ему людьми, поскольку один он не может управлять империей и решать необходимые вопросы.²³ Наконец, последнее, на чем останавливает свое внимание законодатель, – это то, что император должен быть человечен по отношению к своим подданным, поступать по отношению к ним согласно законам и не должен внушать подданным страха. На этих последних пунктах стоит остановиться чуть подробнее. Дело в том, что требования к человечности, законосообразности и благородству правителя, вроде бы, достаточно типичные для средневековой правовой мысли, в данном случае приобретают дополнительную значимость. На протяжении предшествующего закона кастильские легисты дважды апеллируют к тому, что власть император получил не только по Божьему установлению, но и по народной воле.²⁴ Соответственно, именно народная поддержка становится одним из параметров, легитимирующих в «Партидах» императорскую власть, и император обязан делать все возможное для того, чтобы сохранить и приумножить ее. В отличие от короля, которого его народ *обязан* любить, император должен получить любовь народа и сделать так, чтобы она не пропала.

Представленная на фоне императорской власти, власть короля, в глазах Альфонсо X и его юристов, все же имеет ряд серьезных отличий.²⁵ Прежде все-

otorgamiento se deue batir moneda en el Imperio. <...> E puede tomar yantares e tributos e censos en aquella manera que lo acostumbraron antiguamente los otros emperadores.

²¹ P.II.1.2: Maguer los romanos que antiguamente ganaron con su poder el señorio del mundo, fiziessen emperador, e le otorgassen todo el poder e el señorio que auian sobre las gentes para mantener e defender derechoamente el pro comunal de todos, con todo esso non fue su entendimiento de lo fazer señor de las cosas de cada uno...

²² P.II.1.2: Este poder ha el señor luego que es escogido de todos aquellos que han poderio de lo escoger, o de la mayor parte, seyende fecho rey en aquel lugar, onde se acostumbraron a fazer antiguamente los que fueron escogidos para emperadores. Cfr.: P.II.1.8.

²³ P.II.1.3: ...Deue auer omes sabidores e entendidos, e leales, e verdaderos, que le ayuden, e le siruan de fecho en aquellas cosas, que son menester para su consejo, e para fazer justicia e derecho a la gente.

²⁴ P.II.1.2; cfr. *infr.* 21–22.

²⁵ Разбор концепции королевской власти в «Партидах» в ее взаимосвязи со знаменитой декреталией *Per venerabilem* Иннокентия III, а также с сочинениями ведущих канонистов эпохи см., например, в работе И. Нану (Nanu 2013, 214–219); отмечу, однако, что, уделяя серьезное внимание развитию темы *rex est imperator in regno suo* в европейской

го, король является наместником Бога на земле, о чем в «Партидах» говорится несколько раз. Справедливости ради нужно сказать, что эти же слова юристы Альфонсо X говорят и об императоре, но на 4 закона, посвященных императорской власти, приходится лишь одно такое упоминание, сопровождающееся ссылкой на «мудрецов», которые так утверждали. Применительно к королю помянутая формулировка на протяжении 6 законов употребляется четырежды, причем всего в двух случаях имеют место отсылки к авторитетам, в двух же остальных речь об этом идет как о хорошо известном, само собой разумеющемся факте.

Немаловажно и то, что император в этой фразе уподобляется Папе, с той лишь разницей, что тот решает вопросы духовные, а император – земные. Король же не просто приравнивается по своему авторитету к Папе, но, в границах своего королевства ставится выше его, что подкрепляется, во-первых, историческими, а, во-вторых, доктринальными аргументами. Исторический аргумент представлен в законе 6 разбираемого титула, где, со ссылкой на *Политику* Аристотеля юристы Альфонсо X утверждают, что «король был не только предводителем, и вождем войска, и судьей над всем народом королевства, но также и старшим в духовных делах, которые совершались тогда из благоговения и почтения к богам, в которых они тогда верили. И их называли королями, поскольку они правили как в мирских делах, так и в духовных».²⁶ Доктринальный аргумент, в свою очередь, собирается из двух частей. Во-первых, в том же законе указано, что своим именем король (*rey*) получил напрямую от Бога, который титулуется *Царем царствующих и господином господствующих*.²⁷ Во-вторых, если обратиться к законам «Первой Партиды», в которых прописывается статус Папы Римского, то можно увидеть, что римский первосвященник, наряду с иными епископами, назван там наместником апостолов,²⁸ в то время, как король, как уже говорилось, занимает на земле место Бога.

канонистике первой половины XIII века, И. Нану, тем не менее, лишь затрагивает некоторые важные моменты политико-правовой концепции «Партид» (например, приоритет королевской власти над папской в пределах его королевства, правотворческая функция короля), не уделяя им должного внимания.

²⁶ P.II.1.6: Segund dixeron los sabios antiguos e señaladamente Aristoteles en el libro que se llama Politica, en el tiempo de los gentiles el rey non tan solamente era guiador e cabdillo de las huestes, e juez sobre todos los del reyno, mas aun era señor en las cosas espirituales...

²⁷ P.II.1.6: ...Tomo el rey nombre de nuestro Señor Dios ca assi como el es dicho rey sobre todos los reyes, porque del han nombre e los gouierna, e los mantiene en su lugar en la tierra, para fazer justicia e derecho...; здесь авторы «Партид» цитируют тексты Нового Завета (1 Тим. 6:15; Откр. 19:16).

²⁸ P.I.5.3: ...Apostolico tanto quiere dezir como aquel que tiene logar del apostol. E como quier que los otros obispos sean en logar de los apostoles, assi, como dicho es, <...> este tiene señaladamente logar de Sant Pedro...

Подобно императору, король поставлен Богом для того, чтобы вершить правосудие над своими подданными, но, в отличие от него, он наделяется возможностью *творить право* (*fazer derecho*), тогда как император, как уже было сказано, может создавать законы и фуэро, а также устанавливать и отменять обычаи. Описывая императорскую власть, юристы Альфонсо X также упоминают возможность «творить право и правосудие своему народу» (Р.П.1.3), однако это единственное упоминание сопровождается оговоркой, согласно которой императору для творения права необходим совет из «людей умных, и знающих, и истинно преданных», тогда как король может делать это самостоятельно. Оговорюсь, что отсутствие рассматриваемой формулировки *fazer derecho* в законах о королевской власти «Зеркала», хронологически предшествовавшего «Партидам», дает основание некоторым исследователям утверждать, что она была добавлена в текст «Партид» позже, уже при Альфонсо XI. Однако полагаю, что подобное утверждение не может быть принято на веру и требует дальнейшего исследования и развернутого доказательства.

Функция сотворения права ставит короля выше императора, равно как и выше любого другого из людей из живущих на земле, поскольку, согласно средневековому пониманию, человек может создавать законы, творение права же надлежит Богу. Следуя, во многом, римской традиции, средневековые авторы понимали термин *ius* в расширительном смысле, включая сюда и естественное право, и божественные установления, и природную справедливость (*aequitas*). «Право» (*ius*) либо соподчинялось «справедливости» (*iustitia*), имевшей божественное происхождение, либо ставилось с ней в один ряд.²⁹

Следует остановиться на еще одном моменте, о котором вкратце говорилось выше. Для юристов Альфонсо X оказывается принципиально важным тот факт, что власть императора имеет выборный характер, в то время, как власть короля – наследственный. Соответственно этому, король, получающий свое королевство в наследство от предшественника (как правило, от отца, но не только), владеет им на праве собственности, как *сеньор по рождению* (*señor natural*), тогда как император предстает лишь владельцем, узурфруктуарием империи, а не ее собственником, чьи права распоряжения своей властью весьма и весьма ограничены. Королю, как и императору, дозволено устанавливать и собирать налоги и подати, но, в отличие от последнего, король может вводить и экстраординарные поборы, и, в случае необходимости, прибегать к чрезвычайным мерам пополнения своей казны, и, даже передавать часть своих земель другим лицам в наследственное владение.³⁰

²⁹ Подробнее об этом см. Grossi 1995.

³⁰ Р.П.1.8: Reyes... non tan solamente son señores de sus tierras mientras biuen, mas aun a sus finamientos las pueden dexar a sus herederos, porque han el señorío por heredad, lo que non pueden fazer los emperadores, que lo ganan por eleccion, assi como de suso diximos. E demas el rey puede dar villa o castillo de su reyno por heredamiento a quien quisiere...

Наконец, нельзя обойти вниманием и идею органической связи короля и его народа. В отличие от императора, которого с его народом не связывает, по сути, ничего, и который должен постоянно заботиться о том, чтобы получить любовь народа и удержать ее, король сам по себе является важнейшей частью народа, его душой, сердцем и головой.³¹ Основное назначение короля не только в том, чтобы вершить над своим народом правосудие, хранить его в мире и справедливости и наказывать злоумышленников,³² но и в том, чтобы объединять его, создавая, тем самым, из разнообразных людей, живущих сами по себе, собственно народ. Роль короля – претворять в жизнь справедливую силу, координировать, согласовывать между собой воли иных лиц, начальствующих над остальными людьми, устанавливать гармонию, мир и любовь.³³ Это подразумевает, что короли появляются в мире в силу естественного хода вещей, по самой природе. И уже отсюда следует еще одно утверждение превосходства короля над императором – последние появляются по людскому соглашению, первые по природной необходимости; императоры стоят над человеческим сообществом, судя его и управляя им, короли формируют его важнейшую часть; наконец, император может быть или не быть, существование же королей необходимо и неизбежно. Таким образом, королевская власть признается непререкаемой и непоколебимой, а любое покушение на нее приравнивается законами к покушению на самого себя, а также к святотатству и уже тем самым считается смертным грехом.

Император и его народ или народ и его император? Взгляд из XVI века

Грегорио Лопес в своей глоссе к рассматриваемым законам «Партид» переносит основное внимание с законов о королевской власти на законы, посвящен-

³¹ P.II.1.5: ...Porende lo llamaron [al rey] corazon e alma del pueblo... <...> Naturalmente dixeron los sabios, que el rey es cabeça nascen los sentidos por que se mandan todos los miembros del cuerpo, bien assi por el mandamiento que nasce del rey, que es señor e cabeça de todos los del reyno, se deuen mandar e guiar e auer un acuerdo con el para obedescerle, e amparar, e guardar e acrescentar el reyno: onde el es alma e cabeça, e ellos miembros.

³² Esp.prooem.: Onde conuiene al rrey, que à de tener e guardar ssus pueblos en paz e en iusticia e en derecho, que ffaga leys e posturas por que los departimientos e las voluntades de los omnes sse acuerden todas en uno por derecho por que los buenos biuan en paz e en iusticia e los malos ssean castigados de ssus maldades con pena de derecho (Martínez Díez 1985).

В данной цитате можно обратить внимание на то, что право (*derecho*) мыслится как мерило законности действий; добрые люди должны жить в мире и справедливости, а дурные – наказываться согласно праву.

³³ P.II.1.7: ...Este ayuntamiento non puede ser sin justicia, la que non podria ser fecha, si non por mayores, a quien ouiesse los otros de obedescer. E estos, seyendo muchos, non podria ser que algunas vegadas non se desacordassen porque naturalmente las voluntades de los omnes son departidas, los unos quieren mas valer que los otros. E porende fue menester por derecha fuerça, que ouiesse uno que fuesse cabeça dellos, por cuyo seso se acordassen, e se guisassen, assi como todos los miembros del cuerpo se guian e se mandan por la cabeça.

ные императору и трактующие его статус. Это, прежде всего, объясняется тем, что глосса составлялась в период становления Испании как империи и, по моему мнению, имела своей целью вписать «Партиды» в контекст действующего имперского права, сделать их из национального свода международным.

Обсуждение императорской власти Лопес, в полном соответствии с комментируемым им источником, начинает с панегирика ей, а, точнее, правящему на тот момент императору, Карлу V Габсбургу. Ссылаясь на одного из величайших юристов второй половины XIV – начала XV вв. Бальдо дельи Убальди, Лопес называет императора «правителем мира и, так сказать, плотским богом мира, как бы утренней звездой, сияющей в центре южного облака».³⁴ Продолжая свое рассуждение, глоссатор возносит хвалу своему «славнейшему» императору, правящему «и справедливо, и властно».³⁵ Однако, отдав дань вежливости правителю и завершив необходимые восхваления, Гр. Лопес переходит к рассмотрению основ императорской власти, затрагивая несколько основных проблем, среди которых нужно отметить происхождение императорской власти, как следствие, – модель ее легитимации, статус императора в его империи и, наконец, вопрос о взаимоотношении императора и Церкви.

За точку отсчета Лопес принимает классическое утверждение римских юристов о том, что императора создал римский народ, перенеся на него власть,³⁶ откуда, естественно, следует вопрос о том, может ли народ, давший императору власть, отобрать ее обратно, т. е., фактически, вопрос о том, является ли власть собственностью народа, поскольку, согласно известному принципу, *nemo dare potest quod suum non est*. Однако ответ на этот вопрос требовал прежде определить, что следует понимать под словами «римский народ» в XVI в. Опираясь на комментарий к «Дигестам», составленный учителем Бальдо

³⁴ Gl. Gran Dignidad ad Part.II.1.2: Dicebat Baldus <...> quod Imperator est Princeps mundi, et ut ita dixerim, corporalis mundo Deus, et quod tamquam stella matutina in medio nebulae meridionalis imminet.

На самом деле, речь идет о двух различных цитатах из «Чтений о феодальных обычаях» Бальдо, одна из которых, на самом деле, относится к императору, вторая же – к королю Франции (Cfr. Bald. Lect.us.feud., f.91r^b). В свою очередь, Бальдо в своем тексте цитирует «Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова», в которой идет речь о первосвященнике Симоне, сыне Онии: Sir. 50:6 quasi stella matutina in medio nebulae et quasi luna plena in diebus suis lucet (ср. также Откр. 22:16).

³⁵ Gl. Gran Dignidad ad P.II.1.2: Dicebat tamen idem Baldus quod imperator debet hodie in Italia verecundari de tanta fama, quae tenet gloriam nominis, sed non hominis, et jacet infatum imperium; sed non dixisset hoc Baldus hodie, si viveret, cum gloriosissimus Imperator, Rex noster Carolus V Imperator regnet et juste et potenter...

³⁶ Речь идет об одном из наиболее популярных фрагментов «Дигест» Юстиниана и о глоссе, составленной к нему юристами Болонской школы: D.1.4.1pr. *Ulp. I inst.*: Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.

gl. Imperio: Imperio transferendo de populo a principem.

дельи Убальди – знаменитым Бартоло да Сассоферрато, испанский юрист утверждает, что «сейчас под римским народом понимаются все люди, повинующиеся святой Римской Церкви, даже если они изъяты из-под власти и юрисдикции императора».³⁷ Таким образом, императорская власть изначально ставится в зависимость, с одной стороны, от множественности людей, ей не подчиняющихся, с другой же, – что гораздо более важно, – от власти римского первосвященника, являющегося, в соответствии с этой формулировкой, *настоящим* сувереном «римского народа». Этот тезис становится еще более интересным, если учесть время создания глоссы. Именно в этот период Испания позиционирует себя как основного противника развивающейся лютеранской ереси и, соответственно, главную опору Католической Церкви. Соответственно, Лопес объявляет императора Испании, по сути, первым и главным защитником католической веры, подчиняющимся Римскому престолу.

Дав определение субъекту своего рассуждения, Лопес переходит к разбору своего основного вопроса – может ли народ, перенесший власть на императора, отобрать ее обратно. В соответствии с канонам рассуждения, выработанным в рамках схоластического метода, испанский юрист выделяет три варианта решения проблемы, приводя аргументы за и против каждого из них, а затем останавливается на наиболее, по его мнению, правдоподобном. Первым Лопес формулирует утвердительный ответ на этот вопрос, утверждая, что римский народ имеет право низлагать императора на том основании, что именно он его и создал, ведь «тем, кому надлежит установление, надлежит и низложение, и всякая вещь уничтожается теми же причинами, по которым она рождается».³⁸ Помимо логического обоснования этой точки зрения, основанного на аристотелевской логике причинности, Лопес подкрепляет ее и историческими аргументами, отсылая читателя к изгнанию римским народом царя Тарквиния Гордого.

Рассмотрев утвердительный вариант ответа на вопрос, глоссатор переходит к отрицательному, который обосновывается им аргументами, восходящими к цивилистике и канонистике его времени. Цивилистическое доказательство опирается на мнение Бартоло да Сассоферрато о том, что передача власти им-

³⁷ Gl. Otorgassen ad P.II.1.2: An populus Romanus qui hanc potestatem transtulit in imperatorem, et hic possit hodie hanc potestatem revocare, et tollere Imperatoris potestatem, et scias, quod hodie populus Romanus intelligitur quasi omnes gentes, quae obediunt Sanctae Romanae Ecclesiae, etsi sint exempti ab Imperatoris dominio et jurisdictione et privilegio, vel praescriptione, vel simili causa, ut eleganter tradit Bartolus...

Cfr.: Bart. Lectura s. Digestum Novum., ad l. Hostes (D.49.15.24), col.2: ...Secundum hoc quasi omnes gentes que obediunt sancte matri ecclesie sunt de populo romano...

³⁸ Gl. Otorgassen ad P.II.1.2: ...Videbatur quod sic; quia ad eos ad quos pertinet institutio, et similiter competit destitutio, et omnis res, per quas causas nascitur, per easdem dissolvitur; sic et olim Romanus populus expulit Tarquinium regem ut patet in historiis et habetur in leges. Praeterea populus Romanus per viam legis, scilicet regiae, hanc potestatem transtulit in Imperatorem. Ergo per contrariam legem revocare posset...

ператору по своей модели аналогична некоему двустороннему соглашению или безымянному договору, заключенному между императором, с одной стороны, и народом – с другой. В случае если император выполняет обязательства, взятые им на себя в рамках договора, у народа нет никаких оснований со своей стороны выражать свое недовольство им.³⁹ В качестве альтернативы этому решению, Лопес приводит еще одно, подкрепляемое двумя авторитетами, а именно, – ссылками на Аристотеля и Бальдо. Поскольку представляется, что империй, надлежащий императору, берет свое начало из церковного установления, народ совершенно не может низложить императора, так как «тот, кто не создавал, не может и разрушить».⁴⁰ Согласно этой позиции, сместить императора имеет право только Папа, да и то, лишь в том случае, если тот совершил нечто настолько тяжкое, что этим поколебал само положение Церкви или всего христианского народа.

Наиболее предпочтительным для Лопеса оказывается вариант, покоящийся на признании некоего договора, на основании которого *множественность* (*multitudo*) людей ставит императора или короля над собой. Это, с одной стороны, удерживает народ от произвольного низложения высшей власти, поскольку *pacta servanda sunt*, с другой же, легитимирует восстание против императора в том случае, если тот начинает злоупотреблять своей властью и превращается в тирана, нарушая, тем самым, соглашение со своей стороны. В данном случае ключевым понятием оказывается *добросовестность* в соблюдении соглашения, отсутствие которой у одной стороны дает другой право на чрезвычайные меры.⁴¹

³⁹ Gl. Otorgassen ad P.II.1.2: ...Bartolum in contrarium videtur, quia ista translatio fuit quoddam pactum reciprocum, seu quidam contractus innominatus inter populum et imperatorem, et sequuto implemento ex parte imperatoris, non videtur admittenda poenitentia ex parte populi...

⁴⁰ Gl. Otorgassen ad P.II.1.2: Praeterea hodie potius vadit imperium ex ordinatione ecclesiae, quam ex suffragio populi <...> et, ut dicit Philosophus 12 methaphisicae, oportet reipublicae per unum consuli, unum ergo Princeps; et istam partem videtur tenere Baldus asserens falsam esse opinionem dicentium, quod populus Romanus possit deponere Imperatorem, nam ad quem non pertinet creatio, non pertinet destructio; solus ergo Papa, secundum eum, potest deponere Imperatorem, non ex omni causa, sed solum ex causa gravi et notoria, ex qua turbatur universalis status christianus vel ecclesiae...

⁴¹ Gl. Otorgassen ad P.II.1.2: ...A fortiori haec procederent in Rege ex pacto a principio assumpto a multitudine populi, cum pacta servanda sint, posset tamen Rex, si tyrannus fiat, ab eadem multitudinem destrui, vel refrenari eius potestas, si potestate regia tyrannice abutatur; neque putanda est talis multitudo infideliter agere tyrannum destruendo, etiamsi eadem in perpetuum se antea subjecerit, quia hoc ipse meruit se non fideliter gerens in regimine, quod ei pactum a subditis non servetur... (в этом фрагменте глоссы Лопес в своей аргументации следует за Аквинатом (*De regno*, I.7), хотя и не дословно цитирует его).

В данном случае следует обратить внимание на дважды повторяемое Лопесом за короткий промежуток слово *fideliter*, «верно» или «добросовестно». Употребление данного слова указывает на то, что речь идет о феодальном соглашении, заключаемом между им-

Принятие подобной, договорной, модели легитимации ставит вопрос о правовом статусе императора в его империи, и о правовых основаниях его власти над империей. В трактовке Грегорио Лопеса «праведно и властно правящий» император предстает не самодержавным владыкой, но лишь *должностным лицом (officialis)* империи, не собственником ее, но лишь *представителем* собственника, которым, в таком случае, выступает «римский народ».⁴² Очевидно, что такая постановка вопроса, с одной стороны, позволяла ограничивать власть императора и, теоретически, предусматривала возможность народного восстания, но, с другой, представляла Карла V как защитника интересов не только собственных подданных, но и всех остальных людей, считавших себя чадами Католической Церкви.

Обращаясь к проблеме взаимоотношения императора и Папы, Лопес открыто уходит от спора о верховенстве одной власти над другой. Он заявляет, что Папа не может низложить императора и даже не может полностью отлучить его от Церкви, поскольку его власть так далеко не простирается.⁴³ В этом месте он вступает в краткую дискуссию с «неким братом из ордена проповедников» из Саламанкского университета, который придерживался противоположной точки зрения. В этом «некоем брате» без особого труда угадывается доминиканец Франсиско де Витория, отстаивавший в «Лекциях о церковной власти» первенство римского понтифика по отношению к светским властителям.⁴⁴ Согласно Лопесу, власть Папы не выше и не ниже императорской, но, в принципе, обладает иной природой. Папа не может подчинять себе светского правителя, но он обладает властью ему советовать, направлять и исправлять его, если потребуется, наконец, поддерживать в сложных ситуациях, касающихся духовных дел. Также именно Папе надлежит защищать подданных в том случае, если их правитель превращается в тирана, усмирять воинственных

ператором и народом, т. е., народ (точнее – «множественность», *multitudo*) предстает как вассал императора.

⁴² Gl. El emperador ad P.II.1.8: Imperator non potest proprietatem rerum imperii a se eradicare, nel vendere, quia non habet eum in jure suo, sed manu legis regiae, et sicut imperium non transmittit, sic nec alienat; et licet Imperator sit procurator maximus, non tamen est dominus proprietatis imperii, sed potius officialis...

В этом утверждении Лопес, очевидно, опирается на «Советы» Бальдо дельи Убальди, но, в данном случае важно не это, а то, что он помещает этот текст в состав своей собственной глоссы, которая не только не вызвала возражений у власть предержащих (в частности, у самого императора), но даже получила статус самостоятельного закона.

⁴³ Gl. Otro poder temporal ad P.II.prooem.: Ex isto verbo arguitur, junctis his quae sequuntur, quod Papa non posset totaliter imperatore ecclesiam privare, prout alias vidi poni inter alias conclusiones in scholis Salmanticae per quemdam fratrem ordinis praedicatorum asserrentem, Papa hoc posse...

⁴⁴ См. подробнее: Battioni 2011; Vitoria 1991, XXI-XXIII etc. Вопрос о скрытом споре Лопеса с доктриной власти, обосновываемой Виторией, заслуживает отдельного исследования.

королей, склоняя их к миру и прекращению междоусобных войн, способных расшатать или вовсе сокрушить *Respublica christiana*.⁴⁵

Заключение

Свод, созданный легистами Альфонсо X Мудрого, намного опередил свое время. Двойственная цель его создания – с одной стороны, обоснование доктрины *rex est imperator in regno suo*, с другой, подкрепление претензий кастильского короля на императорский трон, – предопределили его актуальность как для королевской, так и для императорской власти. В самих «Партидах» королевская власть выведена превосходящей императорскую по нескольким основаниям, среди которых нужно отметить, во-первых, ее наследственный характер, противопоставлявшийся выборности императора, во-вторых, декларируемое верховенство над духовной властью в пределах своего королевства, в-третьих, органическое родство со своим народом, подразумевавшее легитимацию по праву рождения. Соответственно, проблема повиновения подданных королю в «Партидах» даже не ставилась, по причине своей заведомой неактуальности.

В глоссе к «Партидам», созданной Гр. Лопесом во второй четверти XVI века, основное внимание уделяется императорской власти, ее прерогативам и ограничениям. Император представляется Лопесу первым должностным лицом империи, нанятым на эту должность путем заключения соответствующего соглашения. Одной из сторон в этом соглашении выступает, собственно, император, другой же – *множественность (multitudo)* людей, делегирующих ему власть. Смещение императора возможно в случае нарушения им условий договора и превращения в тирана. Наличие в формулировке соглашения слова *fideliter* заставляет предположить, что Лопес говорит о феодальной клятве, приносимой *множественностью* императору, но, тем не менее, сама идея договора (некое соглашение или безымянный договор, по формулировке глоссатора) позволяет говорить о развитии в политической и правовой мысли Испании XVI века идей контрактуализма.

⁴⁵ Gl. En las cosas espirituales ad P.II.1.1: Innuit quod in temporalibus non sit subjectus Papae <...> si tamen ordinatio temporalia esset necessaria ad conservationem spiritualium, videtur, quod in his tali casu Papa habeat potestatem <...>. Ex qua conclusione multa possent inferri corollaria; posset enim Papa cogere Principes christianos, ex quorum bellis et dissidiis christiana respublica conquatitur et naufragatur, cogere ad pacem componendam... Poterit etiam imperatorem vel alium regem male regentem subditos, aut severe et tyrannice tractantem, monere et coercere <...> et liberare populum a talibus rapinis et servitutibus, prout fecit Deus in liberatione populi Israel a manu Pharaonis. Item poterit providere regno de utili curatore, si habeat Regem inutilem, seu non sustinentem reipublicae curas... E contra, versa vice, Papa debet auxiliari Principibus saecularibus.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Марей, А. (2008) *Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид*. Москва: УРСС.
- Марей, А. (2011) «Р.VII.1.3 и его источники: к вопросу о технике работы составителей Семи Партид», *Электронный научно-образовательный журнал «История»*: http://history.jes.su/index.php?dispatch=products.view&product_id=789.
- Марей, А. (2014) «Обыкновенное и обычай как источники права в кастильской правовой доктрине XIII века (Р.I.2)», *Aequit ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева*. Москва: Статут: 66–84.
- Battioni, G. (2011) *La nozione di potere politico e il rapporto fra stato e chiesa nel pensiero di Francisco de Vitoria. Tesi di Dottorato in Storia delle Dottrine Politiche e Filosofia della Politica*. Roma.
- Craddock, J. (2011) “The Legislative Works of Alfonso el Sabio,” *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance*. Philadelphia: 182–197.
- Craddock, J. (2008) *Palabra de rey: selección de estudios sobre legislación alfonsina*. Salamanca.
- García y García, A. (1985) “En torno al derecho romano en la España medieval,” *Estudios en homenaje a Don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. T. III. Anexos de cuadernas de historia de España*. Buenos Aires: 59–72.
- González Jiménez, M. (2004) *Alfonso el Sabio*. Barcelona.
- González, J. (1983) *Reinado y diplomas de Fernando III*. 3 vols. Cordova.
- Grossi, P. (1985) *L’Ordine giuridico medievale*. Roma.
- Iglesia Ferreirós, A. (1977) “Derecho municipal, derecho señorial, derecho regio,” *Historia. Instituciones. Documentos* 4, 155–197.
- Iglesia Ferreirós, A. (1982) “Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores,” *Historia. Instituciones. Documentos* 9, 9–112.
- Iglesia Ferreirós, A. (1996) *La creación del Derecho. Una historia del Derecho español: lecciones: 2 fasc.* Madrid.
- Kleffens, E. N. v. (1968) *Hispanic Law until the Middle Ages*. Edinburgh.
- Marey, A. (2006). “‘Propiamente es dicha acusacion profaçamiento:’ El primer titulo de la Partida Septima: el texto y las fuentes,” *E-Legal History Review*: http://www.iustel.com/v2/revistas/detalle_revista.asp?id_noticia=405548.
- Martínez Diez, G. (1985) *Especulo. Edición y análisis crítico. Leyes de Alfonso X*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz.
- Miceli, P. (2012) *Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV)*. Madrid: Universidad Carlos III de Madrid.
- Nanu, I. (2013) *La “Segunda Partida” de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los “specula principum”*. Ph.D. Dissertation. Barcelona.
- O’Callaghan, J. (1985) “Sobre la promulgación del Espéculo y del Fuero Real,” *Estudios en homenaje a Don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. T. III. Anexos de cuadernas de historia de España*. Buenos Aires: 167–179.
- Panateri, D. (2013) “Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la Soberanía. Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López,” *Temas Medievales* (forthcoming).
- Pérez Martín, A. (1992) “La obra legislativa alfonsina y puesto que en ella ocupan las Siete Partidas,” *Glossae: Revista de Historia del Derecho Europeo* 3, 9–63.

- Rüegg, W., & Ridder-Simoens, H. eds. (1991) *A History of the University in Europe. Vol. 1: Universities in the Middle Ages*. Cambridge: CUP.
- Sánchez-Arcilla Bernal, J. (1999) “La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica,” *El scriptorium alfonsí: de los libros de astrología a las «Cantigas de Santa María»*. Madrid: 17–81.
- Sánchez-Arcilla Bernal, J. (2004) *Historia del Derecho. I. Instituciones políticas y administrativas*. Madrid.
- Ureña y Smenjaud, R. d., & Bonilla y San Martín, A. (1924) *Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII*. Madrid.
- Vitoria, F. de, O. P. (1991) *Political writings*. Ed. by A. Pagden and J. Lawrance. Cambridge: CUP.